

Бахытжан Кананьянов

ТРИ РАССКАЗА

ПОЧТОВЫЙ ХОЛСТ

художнику Мендыбаю Алину

Мальчика уже по весне увлекала степь. Конечно, и зимой она манила к себе белизной своих снегов. И эта белизна имела цветовые оттенки, понятные только ему, мальчику. От темно-синего в предрассветные сумерки, когда надо было идти в школу, до голубоватых днем и вновь темнеющих к вечеру, но не черных, даже глубокой ночью. Здесь уже луна, пришедшая ночной хозяйкой в бескрайние степные просторы, разбрасывала, рассыпала и разливала свои световые гаммы. Бесконечное небо и бескрайний простор – все сливалось в одной подлунной сфере: снег, раскрытой белой кошмой, от куста к кусту, орнаментом извилистой степной дороги увлекал взгляд куда-то за горизонт; звезды, колючие от мороза и инея, дожидались прихода луны и затем провожали ее до раннего рассвета. А когда наплывали ночные облака и тучи, то и они имели причудливые очертания благодаря отсвету луны, которая, изредка исчезая за ними, вновь струила божественный свет на все пространство спящего степного мира.

В морозные дни иней искрился бело-синими блестками, и, может быть, потому черные деревья, ушедшие в глубокую зимнюю спячку, под ярким январским солнцем также искрились, покрытые за ночь инеем. А окна в школе в часы утренних уроков полны были причудливых игольчатых узоров, и эти узоры не таяли до самого вечера, а за ночь образовывали новые морозные кружева, которые волею воображения мальчика так и просились на чистый лист бумаги.

Да и сама снежная белизна напоминала ему белый лист из альбома для рисования, который, словно бы следами неизвестных зверей и птиц в степи, оживал от первых карандашных зарисовок. Ему на первых порах никак не удавалось показать снег на чистом листе бумаги. А спустя время он изловчился показывать не сам снег, а все, что выступало из-под снега: черные деревья, следы птиц и зверей, а также лошадь с санями, извозчика с кнутом и своих ровесников, то едущих в этих санях, то катающих на лыжах, коньках и санках.

Однажды он подошел к большому раскидистому дереву, ясеню или клену (из-за инея, покрывавшего все ветви, трудно было распознать, что это за дерево), и палкой стряхнул изморозь. Искристый серебряный иней рассыпался на множество блесток. И эти самые блестки ему удалось запечатлеть на бумаге.

Правда, не с первого раза: он извел почти пол-альбома для рисования, чтобы добиться того, что задумал, а именно – полет этих самых блесков с ветвей сияющего черного дерева.

Но так было зимой. А весной, когда первые проталины чередовались с капелью, грязью дорог и первыми подснежниками, уже не было той зимней тишины: она наполнялась невообразимым весенним гамом, и первые капли тающих сосулек, свисающих с крыш, влекли вслед за собой весеннее половодье Тобола и многочисленные льдины, уходящие вниз по реке далеко на север, уносили с собой воспоминания о долгом зимнем сне природы. В эти веселые мгновения прихода весны мальчик однажды, глядя в окно, заметил, как в прозрачных, свисающих с крыши сосульках живет свет ночного фонаря, и этот свет по капельке переходил в капель и превращался после ночи к утру в весеннюю мелодию пробуждения – кап, кап, кап...

А затем наступало долгое и быстрое лето. Все месяцы летних каникул он проводил в ауле, где каждый не только близко знал друг друга, но и видел, чей теленок или чья лошадь прошла мерным шагом среди летних юрт и зимних построек. Летний травостой был полон и диких степных цветов, которые всеми красками жизни тянулись и постоянно поворачивались лицом к солнцу. Это замечал мальчик, помогая взрослым жигитам пасти лошадей: подпаском он уходил с ними в ночное, когда светили только звезды да изредка всхрап коней нарушал ночную тишину степи.

Степное пространство Наурзымского заповедника, где и находился аул дедушки с бабушкой мальчика, его многочисленных родных и близких, перемежалось сосновыми борами и березовыми колками, которые на народный лад называли Терсек и Сыпсын. И все это сочеталось с густой приречной растительностью – ковылем-тырса и типчаком, а по берегам рек и озер Аксуат, Сарымойын, Жарколь, Байназаркопа росли тростниковые заросли. И в них было полно птиц и зверей – волков и лисиц, корсаков и зайцев, целые стада сайгаков, а над озерными гладями и реками Данабике, Улькен, Дамди, Наурзым-Карасу, Каражылга и полноводным Тоболом взмывали красная утка-атайка и белые гуси. А весной и осенью встречались перелетные фламинго с озера Кургальджин, которые перед дальним полетом в Африку отдыхали среди озер и рек Наурзыма.

Мальчик и по весне, и по ранней осени видел целые стаи нескончаемых птиц, которые с шумом и криком заполняли все небесное пространство. Особенно захватывающим зрелище было в канун лета, когда по великому Тургайскому птичьему перелету идет массовое возвращение пернатых из южных стран – Индии, Ирана, Турции, из земель Средиземноморья и даже с далекого озера Чад.

После короткого сна во время ночного выпаса коней мальчик рано утром, когда еще стояли предрассветные сумерки, видел и слышал, как пробуждается степь. Вначале слышалось редкое щебетанье неизвестной степной пичуги, затем ей вторила другая, а затем третья, и вот уже птичья разноголосица извещала, что наступило утро. Сурки, словно небольшие балбалы, стояли на страже вдоль степной дороги. И бабочки уже взлетали от цветка к цветку, которые, раскрыв свои лепестки, манили его, мальчика, к себе, словно молвили: «Краше нас нет на всем белом свете, ты попробуй запечатлей нас в своем альбоме! Может быть, тебе и удастся это сделать». И молчаливые стрекозы висели над цветами, словно в ожидании того, что должен сотворить мальчик.

Пробуждение утра влекло за собой и уносило в небесную высь клочья тумана, и только неповторимый запах сырой приозерной земли оставался, как после внезапной летней грозы, когда все сливается в аромате воздуха после дождя. Перекличку степных птиц изредка нарушало ржанье коней, которые, как извещно, спят стоя, отмахиваясь хвостом от жужжания овода.

Мальчик любил эти ранние часы рассвета. Солнце только поднимало свое лицо над краем степи, и утренние тени от деревьев и лошадей были удлинненными, превышали своими размерами реальный мир животных и природы. Мальчику удавалось и ранним утром, и в вечерние часы запечатлеть эти контрасты на бумаге, хотя старшие товарищи, табунщики-жигиты, посмеивались над его зарисовками: откуда, мол, у лошадей такая большая тень, которая больше самой лошади. Правда, эти добродушные насмешки в основном были в полдень, в короткие часы обеда, когда жигиты рассматривали его творения и судили – каждый на свой лад. И даже в подтверждение того, что они правы, показывали кнутом на рядом стоящих коней, от которых именно в полдень не было никакой тени, только живот лошади сбрасывал под себя на траву что-то наподобие этой самой тени. Но мальчик доказывал им свое, показывал в вечерние часы заката, как тени от всего живого на земле все больше удлиняются и причудливо расстилаются по степной траве.

А в конце лета мальчик возвращался в районный центр Караменды, где была его школа. Загорелый, окрепший, привозил с собой несколько тетрадей и альбомов для рисования, которые были наполнены его впечатлениями от прожитого и увиденного на летовке. Но многое оставалось и в его памяти, что позволяло ему в долгие осенне-зимние вечера вновь возвращаться к живописным картинам природы и родного аула.

Однажды, когда по всей степи стоял невыносимый июльский зной, в звоне которого даже не было слышно щебетанья птиц, он увидел необычную и удивительную для него картину: косяк лошадей у подножья холма образовал живой круг, тесно столпившись своими мордами друг к другу, да так, что их гривы смешивались между собой, и только уши настороженно торчали, прислушиваясь к монотонному жужжанию мохнатых и назойливых оводов, диких ос и шмелей.

Выставив кругом свои крупы, кони, словно чувствуя приближение овода – одного, другого, третьего, отмахивались от них хвостами, попеременно отгоняя, и продолжали так стоять: глаза в глаза, голова к голове.

Он и нарисовал спустя годы, благодаря памяти, этот самый лошадиный круг, стоявший неподвижно у подножья холма. И назвал свою картину «Полдень».

А тогда эти лошади, стоящие кругом, навсегда вошли в его детскую память, даже когда они после звенящего зноя, ближе к вечеру, вскачь спешили на водопой, поднимая снопы водяных брызг у безымянной запруды и пили не эту воду, в которой плескались, а хрустальную из родника, мелькающую быстрым ручейком среди высоких трав. А затем на фоне заходящего солнца силуэтами темнели вдали, тянулись поникшими головами к вечереющей земле, а какой-нибудь жеребец-кунан от избытка чувств опрокидывался на спину и с ржанием весело сучил копытами и вновь, поднявшись, мчался куда-то вдали и вдали, в ту самую степную сторону, где исчезал за горизонтом огненно-красный шар уходящего солнца.

В один из летних дней бабушка повела его к дальним холмам, где среди глины и песчаника он помогал своей аже собирать разноцветные рассыпчатые камушки – оранжевые, красные, желтые с зеленоватым отливом. Потом из отвара этих разноцветных камней бабушка сотворяла краски и красила ими шерстяную нить, а затем в осенние дни ткала ковры и дорожки, цветной орнамент которых радовал взгляд. Даже на небольших циновках, изготовленных из чия, разноцветная шерстяная нить преображалась в древний и вечный орнамент степного бытия.

Однажды на уроке литературы классу дали задание на дом – прочитать и пересказать ту или иную казахскую народную сказку. Мальчик пришел домой и вечером стал перечитывать волшебные сказки о далекой жизни и о животных. Некоторые сказки он знал наизусть еще до школы, со слов бабушки и старшей сестры, укладывавших его спать, а некоторые он слышал и читал в летние вечера у костра в степном ауле.

А как только начинал пересказывать, ничего у него не получалось. Вернее, получалось, но как-то скованно, без той фантастической картины, которая всплывала в его воображении. И рука невольно потянулась к акварельным краскам и цветным карандашам. И здесь произошло чудо, которого мальчик, разумеется, не понимал и не знал, но чувствовал своим цепким восприятием детства: в отличие от пустых слов он линией рисунка и всеми цветами красок больше и полнее может поведать о прочитанной или услышанной сказке. Золотая бита из одноименной народной сказки в его рисунке становилась очень похожей на битку, с которой он обыгрывал своих сверстников, когда играл с ними в асыки. А жестокая Жалмауз-Кемпир напоминала сварливую тетку, которая не давала ему рисовать по ночам. А кузнец из сказки о мастере-кузнеце был у мальчика похож на аульного кузнеца, богатыря Хасена, конь Тайбурыл – на коня, который победил в недавней байге в их ауле...

Для героев и персонажей волшебных сказок находились реальные прототипы из жизни мальчика. Даже те жигиты, которые не раз посмеивались над его творениями, попадали под карандаш или кисть юного художника в его иллюстрациях к сказкам об Алдар-Косе. А когда он перевоплощал сказку «Счастье Кадыра», то и сам не заметил, что лицо Кадыра было где-то схожим с его лицом, сияющим от счастья творчества.

Так он стал известным на весь район юным дарованием. Его просили оформить стенгазету в школе, приготовить к празднику лозунг мелом на красном полотне, а киномеханик, дядя Талап, прослышав о юном художнике, стал заказывать ему афиши к предстоящим сеансам в Доме культуры. Выдавая мальчику чистый лист ватмана, он в двух-трех словах объяснял, о чем будущий фильм, и просил воплотить своей кистью профиль главного героя на афише. Оплата за такое творчество была существенной – бесплатный вход на этот самый киносеанс. Правда, все сюжеты и лица мальчик срисовывал с маленьких открыток, которые показывал ему дядя Талап, и не всегда они были удачными, но название фильма своей яркой краской привлекало зрителей и прохожих.

Однажды летом к ним домой приехал дядя Шайсултан, который учился в далекой Москве. И не только учился, но и был известным спортсменом, мастером спорта по борьбе и чемпионом аж самой Москвы. Мальчик к тому времени

учился уже в четвертом классе, участвовал в районных и областных выставках юных художников и даже получал почетные грамоты за свои акварели и рисунки карандашом. Дядя Шайсултан с утра делал пробежку, а затем, после зарядки, выносил во двор старый матрац и показывал приемы самбо и вольной борьбы. На все лето двор в доме мальчика стал своеобразной спортивной ареной. Приходили гурьбой его сверстники и, затаив дыхание, смотрели на значок с надписью «Мастер спорта», а над этой надписью проступали буквы – СССР. Дядя Шайсултан, показывая спортивные приемы, целыми днями возился с ребятами, а затем в школе была открыта секция борьбы. Первые показательные уроки в этой секции совместно с молодым тренером провел дядя Шайсултан.

А мальчику, в отличие от его сверстников, не очень хотелось заниматься борьбой. Он, как и в прошлые годы, уехал в далекий аул, захватив собой акварельные краски и цветные карандаши, а также чистые альбомы, которые, спустя месяц, вновь наполнил своими, порой только ему понятными изображениями. Многие аулчане незлобно шутили над ним. Говорили: зачем переводить бумагу и краски, когда есть фотоаппарат, и на пленке, а затем и на фотобумаге могут проступить такие же картины и лица, и даже гораздо лучше и понятнее, чем те, которые выдает юный художник. Когда дядя Шайсултан, хорошо отдохнув в родных местах и открыв спортивную секцию борьбы, собирался обратно в Москву, к нему подошли родители мальчика и показали его рисунки. Дядя долго рассматривал работы мальчика. И при дневном свете, и вечером, когда садились вечерять за дымящимся самоваром. А затем, с отеческой улыбкой взглянув на мальчика, сказал, что заберет эти его рисунки в Москву и там кое-кому из художников покажет.

Глубокой осенью на дом мальчику из далекой Москвы от дяди Шайсултана пришла большая громоздкая посылка – какой-то продолговатый ящик, обшитый грубой почтовой холстиной. Это был детский мольберт, который раскладывался и устанавливался на тренажник. А к нему – подрамник, а еще – большой набор настоящих масляных красок в тюбиках, и в каждом тюбике цвет и полутона той или иной краски с соответствующей надписью, которые не все были понятны мальчику. Эти краски надо было выдавливать и самому составлять только ему, мальчику, необходимый цвет. А еще в посылке был целый набор кисточек – беличьих и из щетины. И каждая кисточка имела свой номер. А еще в придачу в посылке была большая книга-пособие «Юному художнику», где описывалось буквально все. И как подготавливать подрамник к работе, и даже как изготавливать сам холст, на котором и должны соответствующим образом мазками наноситься цвета масляных красок во имя прекрасного замысла художника. И в этой же посылке было письмо мальчику от дяди Шайсултана, в котором он поздравлял своего племянника с тем, что зарисовки очень понравились его друзьям-художникам в далекой Москве. И что он рад и надеется на будущие его успехи. И отныне будет держать в поле своего зрения творческий рост мальчика, чтобы со временем он смог поступить в художественное училище. А для всего этого мало рисовать и писать акварелью и карандашами, нужно пробовать писать маслом.

Мальчик и сам уже понимал, что акварель и карандаши не дают той глубины рисунка – получалась какая-то плоская картина. Он уже был на каникулах

в областном музее и видел некоторые картины, выписанные маслом. Там он заметил, что в зависимости от образа, то есть в зависимости от того, откуда смотреть на картину, меняется и сама глубина восприятия, и выражение лица на полотне.

Глубокими зимними вечерами он вникал и изучал книгу, которую прислал ему дядя Шайсултан. Понял, что холст надо набивать мелом, перемешав его со столярным клеем, который надо варить до определенного состояния, а после охлаждения покрывать холст широкой кистью, добавляя зубной порошок в соответствующих объемах. Но где взять этот самый холст, чтобы не только обработать его, но и натянуть на подрамник? Взрослые говорили ему, что можно купить в областном центре или в Алма-Ате. Однако это очень долго ждать, даже если через дальних родственников найти его там. Пока сообщат и передадут родители его просьбу, пока найдут, пока вышлют, пройдет очень много времени, а масляные краски и мольберт – вот они, рядом, и кисточки тоже манят к себе своим мягким и грубым волосом. И тут взгляд мальчика упал на холстину, в которую была завернута посылка из Москвы. Он вывернул ее наизнанку. Она вполне подходила для холста, только надо ее хорошенько обработать – так, как описывается в этой самой книге «Юный художник»... Через день холст был готов и притягивал к себе взор юного художника своей бело-матовой поверхностью. Приготовив масляные краски и взяв кисть, мальчик, затаив дыхание, погрузился в свои мысли и в необъяснимые словом образы, которые откуда-то из-под небес властно влекли его к чистому квадрату мольберта.

Со временем к нему пришло некое чувство познания и восприятия цветов, рождаемых палитрой масляных красок. Это было совсем другое восприятие, глубоко отличное от карандашного рисунка или акварели. В тех набросках и пейзажных зарисовках не было глубины полотна, не было того самого «дымка», который и определяет и углубляет плоскость картины. Не было того самого многоцветия воздуха, которым был наполнен этот мир, что окружал мальчика. Масляные краски, еще не просохнув, давали совсем иную гамму тонов, а после, когда они уже навсегда застывали божественными мазками на холсте, несли свой отраженный и отражаемый цвет и свет всем тем, кто издали или вблизи впервые видел то, что хотел выразить юный художник. Родные по дому, школьные друзья и товарищи, словоохотливая соседка из дома напротив, даже домашний пес Акдаул, жарко дыша вытянутым языком, взирали на картину, впервые написанную маслом.

Однажды, когда хоронили старца Бекена, мальчик первый раз в жизни увидел грустные и подавленные лица множества людей, которых не раз встречал на улицах родного поселка – веселых, жизнерадостных, всегда приветливо и с улыбкой его встречавших. Некоторые из них выступили на том траурном митинге, вспоминали добрые деяния аксакала, женщины плакали и причитали, вытирая краем жаулыка глаза, полные слез. А когда на аульном кладбище, что раскинулось на холме, приезжий мулла в зеленом халате и в белом тюрбане запел поминальную суру, все молча присели, кто на землю, кто на придорожные камни. И воцарилась удивительная тишина, только иногда слышен был легкий чирк вездесущих воробьев, да тихий голос муллы плыл над кладбищенским холмом.

А после, спустя год, на месте захоронения старца Бекена возвели мазар из саманного кирпича, возвели всем аулом, ибо единственный сын старца Бекена

и старушки Кырмызы жил в далеком городе. Он и приехал вместе со своей семьей в аул, чтобы за дни летнего отпуска соорудить мазар на могиле отца. Мальчик вместе с друзьями помогал в этом святом деле. Месил ногами глину, замешанную на конском навозе, высушивал саманные кирпичи и затем подвозил их на тачке к жигитам, которые по мудрым указаниям усто – мастера мазарных дел, старика Хасена, выстраивали из этих саманных кирпичей мазар с куполом.

После завершения этого могильного сооружения сын старца Бекена зарезал овцу, и все собрались неподалеку от мелкой степной речки, а когда день стал клониться к закату, то разожгли небольшой костер. И мальчик со слов сына старца Бекена, который был историком по образованию, узнал, что раньше, в очень далекие времена, души умерших людей не умирали вместе с телом покойного, а на сороковой день со дня кончины улетали туда, в небесную высь, под крыло небесного божества Танири-Тенгри.

– Тенгрианство – это начало и предтеча многих религий мира. И христианства, и иудаизма, и мусульманства, и буддизма. Но вначале был единый небесный бог – Тенгри. И у него было очень много святых. Девяносто девять святых. Имена многих нам неизвестны, – продолжал историк, сын старца Бекена, сидя у вечернего костра, – но некоторые имена святых вошли в казахский фольклор, в народные волшебные сказки – Камбар, Баба-тукты, шашты Азиз. Вот и душа моего отца Бекена где-то там, среди далеких ночных звезд. . .

Костер, исходя искрами, медленно догорал, отражаясь в глазах мальчика, изумленных от услышанного рассказа о Тенгри и многочисленных святых.

И с тех пор на многих зарисовках и холстяных полотнах образы фольклорных святых и персонажи из волшебных сказок стали приобретать отдаленные черты родных и близких, знакомых с детства аулчан. Были запечатлены и прошлогодние похороны старца Бекена, и понурые, печальные лица хоронивших его людей. Правда, все это было не совсем заметно, не так, как на фотографиях из семейного альбома. Но если взглядеться, особенно под определенным ракурсом, то можно было убедиться, что это все взято из его, только ему близкой и родной, жизни, только ему, мальчику, понятного до кончика беличьей кисти образного восприятия реального мира, ибо он всей своей детской душой осознал, что в картинах, как и в волшебных сказках, люди никогда не умирают, а если и умирают, то вновь приходят к живым, чтобы всегда быть с ними рядом, делить с ними радости и надежды.

Ему уже не хватало двух-трех холстов, сооруженных из почтовой холстины и грубой мешковины, взятой из чулана. Эти холсты не раз им же отбеливались, когда у него не получалось то, что он задумал. И когда однажды он увидел у почтового отделения связи крытый фургон с надписью «Почта», из коего выгрузили два-три посыльных ящика, один из которых был обшит этой самой холстиной, он от непонятной радости вбежал в почтовое отделение связи. Ему хватило юношеского красноречия, чтобы убедить почтальоншу и ее начальника, объяснить, для чего и зачем ему нужен этот самый холст, на котором фиолетовыми буквами проступал адрес получателя, сургуч с оттиском печати и еще какие-то синие печати. Затем он вместе с почтальоншей отнес эту посылку по нужному адресу. И хозяин посылки, после расспросов, улыбаясь в усы, наконец торжественно вручил этот почтовый холст мальчику. И с этих самых пор

все посылки, обтянутые в холстину, которые приходили на почту, а точнее все почтовые холсты с почтовыми штемпелями и печатями попадали в руки юного художника. И спустя дня два превращались после соответствующей обработки в холсты для предстоящего творчества.

А после восьмого класса библиотекарь Карлыгаш, признательная за то, что он постоянно оформлял книжные стенды, показала ему газету, где был объявлен набор для одаренных детей в столичное художественное училище. И чтобы поступить в это училище живописи, надо было пройти творческий конкурс, то есть представить свои художественные работы, выполненные карандашом, акварелью и маслом.

Собрав все нужные документы и несколько своих работ для творческого конкурса, юный художник поездом отправился в столицу. Родители сообщили о его приезде родственникам, проживавшим в Алма-Ате. Парнишка и устроился у них на время сдачи приемных экзаменов. Но самое главное – это пройти творческий конкурс!

Он подал на этот конкурс три работы, выполненные маслом. И несколько зарисовок и пейзажей, выполненных карандашом и акварелью.

Таких, как он, мечтающих стать настоящими художниками и живописцами, набралось свыше ста человек, а набор составлял человек десять, но самых что ни есть талантливых. В большом актовом зале все абитуриенты и конкурсанты выставили свои творческие работы, прямо на полу вдоль стены актового зала. Все юноши и девушки, среди которых был и он, стояли в долгом, томительном ожидании в скверике возле головного корпуса училища.

Наконец их всех пригласили в актовый зал, где очень авторитетная конкурсная комиссия, состоящая из известных художников-педагогов, отбирала их работы. Из трех полотен, выставленных им на конкурс, две были повернуты лицом к стене. Он с обидой подумал: кто это из членов конкурсной комиссии даже не захотел смотреть на его работы?! И повернул лицевой стороной холста свои картины. Сказочный крылатый тулпар из-под небес весело подмигнул ему, юному художнику, или солнечный луч сквозь большое окно актового зала лизнул по прекрасному взгляду коня, и он тайным образом передал этот свет небесного божества с полотна ему, ожидавшему приговор своей будущей творческой судьбе.

Мужчина – распорядитель творческого конкурса – строго посмотрел на него и сказал, чтобы его полотна встали лицевой стороной к стене. Оказалось, что таким образом отбираются работы, прошедшие творческий конкурс. И еще добавил, что эти его две работы будут представлены на республиканской художественной выставке школьников старшей возрастной группы.

Юный художник еще не осознал, что произошло что-то переломное и поворотное в его только начинающейся творческой судьбе. Он смотрел на обратную часть своего холста, им самим же сотворенного для его же написанной маслом картины. И на этой оборотной стороне холста фиолетовыми буквами четко проступал отпечатанный на холстине оттиск штемпеля-печати «Наурызымский район».

БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО

Этот случай произошел в то незабываемое время, когда дефицитный товар или продукт, выбрасываемый на прилавок, порождал не только живую людскую очередь, но и требовал от покупателя пустой стеклотары. И только в том случае, когда имеешь на руках пустую бутылку, ты вправе купить бутылку непустую, и совсем необязательно с алкогольным содержимым. Молочного продукта это тоже касалось – молоко, кефир, ряженка отпускались только при наличии этой самой пустой стеклотары.

Дело было под Новый год. Я шел с работы, и мой ежедневный путь на работу и вечером домой пролегал мимо центрального гастронома. Шел и строил планы на ближайшие предпраздничные дни. Завтра будут традиционные посиделки – подведение итогов всего научно-лабораторного состава за прошедший год и, разумеется, проводы этого самого старого года. В связи с чем была сугубо мужская договоренность с завхозом института, что он обязательно заглянет в нашу лабораторию. И не просто заглянет, а непременно зайдет, и не просто зайдет, а принесет с собой тот самый остаток спирта, который сия лаборатория сэкономила за уходящий год, сэкономила, несмотря на многочисленные опыты, праздники, торжества, юбилеи и субботники. Экономика должна быть экономной. Как на плакате, так и в жизни. Вот мы и сэкономили на самый последний праздник этого уходящего года. Разумеется, и будущие ученые мужи появятся не с пустыми кейсами, а женская половина, как всегда, накроет стол домашними припасами.

Странное дело: в эпоху сплошного дефицита, когда на прилавках в этом самом что ни на есть центральном гастрономе, или, по-нашему, по-алма-атински, в ЦГ, – один только березовый сок в трехлитровых банках да иногда хек, нототения и килька в томатном соусе, холодильники горожан всегда хранили, помимо ассортимента ежедневного пользования – масла, колбасного сыра, варенья, солений и очень сырых колбас за два двадцать, так вот, в нем всегда был дефицит – от печени трески или горбуши в масле до симпатичных баночек икры, тихоокеанской чавычи, не говоря уже о сугубо национальных казы, карта и шужуке.

И мясо иногда было, и не суповой набор, а самая настоящая вырезка. Но ее давали очень редко и только по два килограмма в одни руки. Когда я однажды принес эти самые два килограмма вырезки, зайдя после работы в гастроном, жена, радостно приняв сверток, поделилась со мной:

– Слышишь?.. В связи с этим и выбросили на прилавок вырезку.

С экрана телевизора плыла траурная мелодия. Хоронили первое лицо нашей Страны Советов.

– Теперь до следующих похорон не жди этой самой вырезки, – цинично пошутил я.

– Да уж...

Но это было потом, спустя несколько лет, когда первые лица страны уходили в мир иной каждые два года. А тогда, именно в то время, был некий интеллигентный бартер между представителями моего поколения, некий взаимный товарообмен, позволяющий и съездить по турпутевке, полученной за кровные деньги, но с довеском дефицита, и приобрести таким же образом книги библиотеки «Огонька», ибо люди моей эпохи читали и жили в читающей державе.

и даже могли по этому самому негласному взаимообмену приобрести вовремя апельсины в канун Нового года...

В одном из отделов центрального гастронома образовалась традиционная предпраздничная очередь.

– Шампанское дают, по две бутылки в руки, но чтобы была пустая тара, – возбужденно крикнул кто-то из прохожих, держа в руках две пустые бутылки из-под «Советского шампанского».

Я поспешил за ним и срочно занял очередь за одной миловидной девушкой, которая, как и все очередники, стояла с пустой стеклотарой. Два горлышка темно-зеленого стекла со следами фольги выпирали из ее хозяйственной сумки.

Я, дождавшись, когда займут за мной, поспешил домой, благо, дом мой находился в квартале от гастронома. Поспешил за пустой стеклотарой, что наверняка была или должна была быть на балконе среди прочего хлама. При этом я вежливо, но настойчиво попросил девушку быть моим доверенным лицом, то есть подтвердить всей очереди, что я честно занял свое место в ней, а отошел только на десять-пятнадцать минут, чтобы сбежать домой за пустыми бутылками из-под того самого дефицита, за которым и выстроилась эта очередь лицом к продавцу, затылком к стоящему следом.

В подъезде своего дома я чуть не сшиб соседку тетушку Амину, которая собиралась выгуливать свою крошку Долли.

– Что случилось?! – сквозь истошный собачий визг спросила тетушка Амина.

– Шам-пан-ское... – перескакивая через три ступеньки лестничного пролета, выдохнул я, – дают!

И на этом слове успел открыть дверь своей квартиры.

Та-ак! Где балкон? А, вот – прямо и налево. Вспотевший, в мохеровом шарфе, в распахнутом пальто, я коршуном влетел на балкон. А-а, вот вы где, миленькие! Скованные льдом недавнего ночного мороза, но именно те самые пустые бутылки из-под шампанского стойко стояли среди прочего хлама. Спасибо, женушка, что не выкинула их во время уборки в канун первомайских праздников, спасибо мне, родимому, что не отнес вместе с мусором, когда жена укоряла перед днем седьмого ноября, чтобы я, наконец, хотя бы раз в год помог ей по уборке дома. Будто чуяли, будто знали, что пригодятся еще пузатые полые бутылки во имя будущих брызг шампанского!

Я вытащил из ледового плена так называемую стеклотару. Их было три. Две стояли темно-зелеными башенками со следами плотно наклеенной фольги, а третья, словно осознавая, что она не в счет, ибо отпускали только по две бутылки в одни руки, понуро лежала на боку.

Но я вытащил все бутылки и промыл их горячей водой в раковине на кухне, чтобы оттаял лед по бокам и у горловины.

В дверь настойчиво позвонили. Я метался, не зная, куда положить стеклотару, ибо в кейс они ну никак не вмещались. Затем, махнув на приличия научного сотрудника, засунул бутылки в объемистую сетку-авоську и открыл дверь.

На лестничной площадке стояла, держа в руках свою крошку Долли, тетя Амина. Оглядев меня с тремя пустыми бутылками, которые распирали сетку, она ласково спросила:

– Балам-гылым , ведь дают-то две на две. Я вчера так взяла коньяк три звездочки. А у меня только одна пустая из-под шампанского. Поделись с бедняжкой тетей Аминой. Я вижу, у тебя три, а с соседями надо делиться. Всевышний все видит и отблагодарит тебя.

В последних словах всезнающей соседки уже были слышны настойчивые и требовательные нотки.

– Амина-ани , уакыт жок , очередь-очередь , – мешая, как всегда, в экстремальных случаях казахско-русско-татарские фразы, выдохнул я. – Вот вам от всего соседского сердца пустая бутылка. И все. Бегу!

И я бочком обошел статную тетушку Амину. Крошка Долли твякнула, выражая тем самым собачью солидарность с просьбой своей хозяйки.

– Очередь мне займешь. Я сейчас приду. Только Долли закрою.

– Постараюсь...

– Это что значит постараюсь! Вот увидишь, все расскажу твоей жене. И с кем тебя видела на прошлой неделе, и...

Но мне было все нипочем. И с кем меня видела словоохотливая и всезнающая тетушка Амина. Да хоть с самой Анджелой Дэвис... Мне хоть бы хны!

Я спешил к магазину, стыдливо пряча под полый пальто сетку-авоську с пустым содержимым. Я, руководитель научной группы, молодой остепенившийся кандидат, нес пустую стеклотару, чтобы получить долгожданные брызги шампанского.

А на улице уже выпал снег. Никогда не забываемый алмаатинский снег. И мягкие снежинки уже слегка щекотали щеки, маня меня к самому лучшему празднику мира – встрече Нового года!

Было уже около шести вечера. В отделе, где продавали шампанское, очередь образовала из прямой кривую в два оборота. Я еле нашел свою милостивую девушку, за которой занимал, и мужчину, того, кто занял за мной.

– Ух, успел! – сняв шапку и вытирая пот, облегченно вздохнул я.

– Могли бы и не спешить, – улыбнулась милостивая девушка, – вас не было минут пятнадцать, а колбаса очереди сократилась только на восемь человек, а еще человек двадцать впереди нас.

А мужчина, видимо, из замначальников какого-либо треста, приехавший в командировку, понимающе усмехнулся, видя, как я прячу сетку-авоську с пустыми бутылками.

И тут я вспомнил, что надо занять очередь и для тетушки Амины. Хотя бы попытаться занять, а иначе не рад будешь дню грядущему. Конечно же, человек человеку друг, товарищ и сосед. И я направился в самый конец этой нескончаемой очереди – великому порождению эпохи бровеносца.

– Сейчас подойдет один человек, с минуты на минуту, так я ему и занимаю очередь, – очень вежливо, учтиво и четко произнес я, обращаясь к хмурым лицам.

Необходимо особо отметить, что лица людей в зависимости от их очередности меняются. От блаженно-радостно-возбужденных вперёдистоящих, ибо им все достанется, до очень сосредоточенных в середине (достанется или нет?) и совсем уже хмурых, сумрачных и обреченных в конце (зря стоим, только время теряем, нам ничего никогда не достанется!).

– А сам где стоишь? – промолвило крайне хмурое лицо, оглядывая мою авоську с бутылками. – Второй раз не получится, у тебя только две бутылки.

– Небось другу-собутыльнику занимаешь. Алкоголик! Небось шампанским решили опохмелиться, – сурово процедила старуха, проживая свой век от Ильича до Ильича. – Ишь, одному человеку он занимает...

Я все-таки занял и постоял несколько минут для очистки совести и снятия напряжения окружающих. И тем самым дождался, когда займут за мной.

А очередь медленно, но верно продвигалась вперед, и я, не упуская из вида миловидную девушку и командировочного, объяснил занявшему за мной, что сейчас подойдет тетя Амина, и поспешил к своему законному месту.

О, эти страсти в живых очередях! Нет, здесь не масса, а собрание живых лиц и людских характеров. И каждый из них раскрывается, словно в купе поезда дальнего следования. Когда можно полностью раскрыть душу, ибо ты своего попутчика больше не увидишь. Вот так и в очередях можно поведать и рассказать все что угодно, чтобы скоротать это самое время стояния в очереди.

Я поведал миловидной девушке, что вон там, в углу, был отдел живой рыбы. И когда-то там находился небольшой бассейн-резервуар, где плавала именно рыба первой свежести, то есть живая, только что привезенная из пруда рыба. И продавцы большим ковшом вылавливали ее и прямо так, в живом весе, продавали горожанам.

И один профессор-академик, доктор медицины, живший неподалеку от гастронома, однажды спросил в этом рыбном отделе:

– Рыба свежая?

– Вы разве не видите, уважаемый, что рыба плавает, живая рыба...

– Да-а, – задумчиво произнес профессор и лукаво добавил, глядя на красивую девушку-продащицу: – моя жена, моя благонравная, тоже живая, но, к сожалению, далеко не свежая...

Это мое сообщение вызвало смущенную улыбку у миловидной девушки, а командировочный, сочно рассмеявшись, вдруг произнес:

– А знаете, я недавно у себя, в Караганде, купил кильку в томатном соусе, у нас, сами знаете, ассортимент почти такой же. Так вот, купил две банки. Думал, поеду в субботу на рыбалку, на Нуру, там пригодится. Тем более что эти консервы именуют «Завтрак туриста». Ну, приношу домой. Жена съязвила: надо же, какой дефицит принес!

А поздним вечером червячок в животе требует умять что-либо из холодильника. Ну, я взял и открыл одну банку. А там, мать честная, не поверите! Вместо той самой кильки в томатном соусе – икра! Не знаю, паюсная или нет, но настоящая черная икра. И на вкус и цвет натуральная. Я даже не стал притрагиваться, так хорошо выглядела эта икра в банке, где было написано «Завтрак туриста», килька в томатном соусе. Разбудил жену. Она ахнула. И мы в один присест за милую душу умяли эту банку. Жена разомлела и сто грамм собственноручно мне налила, и вместе со мной сама выпила. Ну, мы вторую банку открывать, а там... все, фокус кончился. Та самая килька в томатном. Ну, жена по женской логике строго-настрога наказала, чтобы я с утра пораньше пошел в тот самый гастроном и купил десять банок этой самой кильки в томате. А утром, не успокоившись, потребовала, чтобы не десять, а все двадцать банок я принес...

– И что потом? – сделав круглые глаза, заворуженно спросила миловидная девушка.

– А ничего, сплошная килька и сплошной томат, – с грустной улыбкой произнес командировочный. – Почти месяц питались этими консервами. Сплошной завтрак туриста.

– Да, бывает, – сочувственно промолвил я и тут увидел своего так называемого «друга-собутыльника» в образе невозмутимой тети Амины.

Она царственно вышагивала, выискивая поверх голов своего соседа, то бишь меня. Я подошел и молча подвел ее к той женщине, которая от Ильича до Ильича:

– Вот тот самый человек! Видите, никакой ни алкоголик.

– Ты о чем, балам-гылым? – ничего не поняв, спросила тетя Амина. – Сам-то где стоишь?

– Я там, впереди, но вас туда не пустят. Стойте здесь, тетя Амина.

– А хватит?

– Хватит! Всем хватит!

– Может, и не достанется...

– Как это не достанется! Новый год же!

Так тетя Амина вошла в воображаемую плоть и кровь очереди. А я поспешил на свое выстраданное, но законное место.

В это время по очереди пронеслась весть, что бутылки принимают без фольги и надо очистить горловины пустой тары от остатков этой самой фольги. Иначе бутылку не подлежит обмену.

У миловидной девушки и у командировочного бутылки были от обычного «Советского шампанского». И фольга с этих бутылей слетала вмиг, только дунь. А у меня бутылки от импортного, венгерского шампанского. Одна бутылка, правда, была от нашего, советского, но ее я великодушно или в спешке, не рассмотрев, отдал соседке – тетушке Амине. А у импортных фольга была приклеена намертво, на совесть. Ногтем не отскоблишь. Пришлось ключом, да и то кое-как, миллиметр за миллиметром. Миловидная девушка, видя мои мучения с очисткой фольги, любезно предложила свою помощь, взяв вторую бутылку из моей авоськи.

– А шампанское-то непростое – брют, – промолвила она, очищая мою вторую бутылку своим ключом. – Видите, надпись на этикетке – «брют». Это значит, что шампанское сухое, из высоких сортов винограда.

Мимо проходили счастливцы из очереди, держа в руках вожделенную радость предстоящего новогоднего праздника.

Я где-то слышал, что название «Советское шампанское» в корне неверно и по стандарту не соответствует международному праву. Так назвать – это все равно, что назвать «Советский ром» или «Советское виски». Говорят, что Франция, которой принадлежит провинция Шампань, не раз высказывала протест по поводу этого названия – «Советское шампанское». Но этот бренд как-то остался и прижился в нашей Стране Советов. Хотя стали появляться и новые сорта шампанских вин – «игристое», «шипучее».

Кстати, с «шипучим» произошла одна история с моим младшим братом, когда он учился еще в школе, в седьмом классе. У него день рождения. Матушка купила торт, чтобы он в классе в конце уроков отметил свой день рождения с чаем. А он взял да купил бутылку вина «Шипучее», чтобы вместе с чаем глотнуть с одноклассниками этой самой шипучки. А оно не только шипит, но и пенится.

и после небольшой встряски выплескивается почти что все, оставаясь слегка на доньшке. Вот и отметили. И по усам не текло, и в рот не попало, а выплеснулось все на пол и на стены. Винный запах на несколько часов. А учились тогда в две смены. Ну и приходит вторая смена, а в классе тот самый запах. Матушку в школу. Еле-еле утряслось. Списали на так называемый «переходный возраст»...

Очередь продолжала двигаться к конечному пункту своего назначения к прилавку, с единственным мнением-сомнением – хватит или не хватит, достанется или не достанется, уйдем с шампанским или останемся с носом... А я и миловидная девушка продолжали очищать фольгу с импортных бутылок...

Как-то я читал в «Иностранке» новеллу французского писателя об этом самом божественном напитке. Действие происходило где-то в середине семнадцатого века в одном из сельских монастырей в самом сердце провинции Шампань. Эконом аббатства Овилле, кажется, его звали Пьер, выкатил к праздничному ужину дюжину бутылок собственного производства. Так как вино всегда необходимо для причастия, то монахи выращивали свой виноград, причем отменных сортов. И это вино охотно покупали миряне. Все это приносило неплохой барыш и поддерживало само монастырское хозяйство. Именно монастырь, где служил монахом Пьер Периньон, является родиной настоящего французского шампанского, хотя с этим спорил другой юг Франции – местность Лангедок, где еще в раннем Средневековье уже было это вино. А в аббатстве Овилле не только разработали игристое вино, но и саму форму бутылки, дошедшую до наших дней, затычку из коры пробкового дерева, и даже открыли секрет купажирования вина, что позволило сохранять именно газ в шампанском. И это все было невозможным при хранении в бочках. А в дальнейшем придумали и проволочку, чтобы не вылетала пробка. Для бутылей выбрали темный цвет стекла, а само вино стало только белым и лишь изредка розовым. И настоящее шампанское перестало быть сладким: теперь, согласно первому правилу виноделов, «чем суше, тем лучше», ценится только брют.

Я помню, как в прошлом году наш заведующий лабораторией, известный ученый, приехал из загранпоездки и угощал всех нас заморским шампанским в красном металлическом футляре с очень странным названием «Kriter», от которого смущались женщины бальзаковского возраста и загадочно ухмылялись бывалые мужчины. Тогда же я обратил внимание на мелкую надпись на металлическом футляре «Брют энд Брют»...

– А вы знаете, почему икра оказалась в этой банке? – вдруг шепотом произнесла миловидная девушка, чтобы не услышал командировочный.

– Наверное, перепутали на рыбном комбинате при расфасовке, – ответил я, осторожно поглядывая в сторону тетушки Амины.

Еще не хватало, чтобы она к Анджеле Дэвис приписала мне и эту миловидную девушку. А потом заявит моей жене, что вот, дорогая, видела, как стоят в одной очереди, низко склонив друг к другу головушки, и о чем-то между собой воркуют. Но тетя Амина с кем-то о чем-то спорила и что-то доказывала, находясь, как всегда, в центре общего внимания.

– Нет, совсем не это, – таинственно продолжала миловидная девушка. – Это мафия и воровство в государственном масштабе. Вот так и с чаем. С этикетками. Если в цейлонском чае слоник на этикетке задирает хоботок вверх, то это настоящий цейлонский чай.

– А если вниз? – ошарашенно спросил я.

– А если вниз, то это значит, что цейлонский чай упакован вперемешку с грузинским или, в крайнем случае, с чаем за номером 36, – оглядываясь по сторонам, прошептала миловидная девушка.

– Откуда вы все это знаете?

– Оттуда, – загадочно ответила миловидная девушка и подала мне полностью очищенную от фольги импортную пустую бутылку.

А через два-три человека эта девушка уже покупала свои две бутылки шампанского, отдав продавщице пустую стеклотару. И вот наступила наконец и моя долгожданная очередь, то есть я стал первым перед безучастными глазами продавщицы.

– Мне, пожалуйста, две бутылки нашего «Советского» долгожданного шампанского, – протягивая деньги, произнес я с неким пафосом. – А это вам от меня. Так сказать, новогодний подарок. – Я выставил перед продавщицей два пустых бутылка стеклотары, полностью очищенных от фольги.

Продавщица мой предновогодний юмор не оценила, а может быть, просто не поняла.

– Импортные не берем, – услышал я ее металлический голос.

– Как?! Как это не берем?! – ошалел я, держа в руках не принимаемые от меня деньги. – Как это так? Да я... да я ключом эту фольгу, понимаете, ключом... А вы знаете, какая она крепкая, эта фольга. Вы знаете... Да и какая разница – импортные или нет?

– Большая, – безучастно ответила продавщица, – вот, видите, горлышко чуть вытянуто и со срезом. А на заводе шампанских вин линия разлива приспособлена только для отечественных бутылок. Есть указание – импортные не принимать.

– А как же я? И вы мне не дадите две бутылки нашего дорогого «Советского шампанского»?

– Не положено. Не только две, но и одну не дам.

– Но я же простоял эту огромную очередь...

– Ну и что. Не положено.

– Проходите, молодой человек, не мешайте работать...

Это уже позади стоявшие стали подавать реплики. И только командировочный сочувственно вздыхал, выставляя на прилавок из объемистого саквояжа пустые бутылки отечественного производства.

– У них пробка для закупорки совсем иная, и наша линия не подходит, – с запоздалым признанием поделился командировочный.

Я самым бесцеремонным образом был вытолкнут из очереди, то есть остался на обочине светлого будущего. «Это же надо, джинна выпустили, а пробка не подходит. Не та проволока, понимаете, чтобы снова загнать джинна в бутылку», – бормотал я что-то несусветное, проходя мимо очереди, а точнее, к ее концу.

– Балам-гылым, ты куда? – удивленно спросила тетя Амина.

– К Деду Морозу, – машинально ответил я, направляясь к выходу.

– Займи и мне очередь, я скоро подойду.

– Обязательно!

На улице уже вовсю валил снег. Последний снег этого старого года. Было ветрено, и этот ветерок выдувал из моей головы безнадежные мрачные мысли

и вселял взамен новые, с шальным привкусом предпраздничного застолья. Кто не рискует, тот не пьет этот солнечный напиток, за которым я простоял такую бесконечную очередь. Я поправил свой мохеровый шарф так, чтобы был виден галстук, и решительным шагом направился к начальнику смены центрального гастронома. Им оказалась женщина с уставшими, но добрыми глазами.

– Почему продаете брют, а не обычное, полусладкое? – сурово спросил я и добавил: – Я из Советского райисполкома. Документ показать?

– Да зачем мне ваш документ? Я и так вижу, что вы оттуда. По поводу брюта. Это решение горпищеторга, чтобы завершить год с хорошими показателями. Наш директор Натан Маркович так сказал.

– Послушайте, уважаемая начальник смены, не знаю, как вас по имени-отчеству...

– Сауле Султановна...

– Вот что, Сауле Султановна, завотделом нашего райисполкома звонил Натану Марковичу и просил, чтобы он выделил две бутылки шампанского вне очереди. Но Натана Марковича не было на месте. Пришлось идти мне, благо мы находимся рядом с вашим гастрономом, чтобы исполнить поручение начальства.

– Понимаю. Дни предпраздничные. Всем надо. А Натан Маркович на торжественном совещании в горпищеторге. Есть заместитель, может, к нему зайдете?

– Ну зачем мы с вами, уважаемая Сауле Султановна, будем беспокоить заместителя по таким пустякам? – Я и сам не заметил, как меня несло и несло, и ничто уже не могло остановить. – Мы завтра провожаем нашу секретаршу, всеми уважаемую Натэлу Сигизмундовну, на пенсию. Так что, сами понимаете, цветы, шампанское, а тут еще Новый год.

– Все ясно. Две бутылки достаточно?

– Если это возможно, то три... – затаив дыхание, промолвил я.

– Возможно, – деловито ответила Сауле Султановна и вызвала кого-то из своих сотрудников.

– Как? Прямо так, без стеклотары? – чуть не выдал я себя и осекся.

– Ну, если вы провожаете старейшую секретаршу на пенсию, как ее, Натэла Сигизмундовна?

– Да-а, совершенно верно...

– Тогда можно и без стеклотары, – с иронией отметила Сауле Султановна.

Я дал деньги за три бутылки шампанского и стал с чувством собственного достоинства прощаться с очаровательной Сауле Султановной, пятясь к выходу.

– Очень признателен вам. С наступающим Новым годом. Как говорится, с новым счастьем, как говорится, новых успехов в труде и благополучия в семье...

– Спасибо. И вас с Новым годом. Вам завернуть?

– Ну что вы, здесь же рядом. До свидания.

– Всего доброго.

И тут зазвонил телефон. Когда я закрывал дверь, то услышал: «Да, Натан Маркович, слушаю вас...» Но дверь уже закрылась за мной, спешащим к выходу из гастронома.

На улице зажглись фонари. И в ярких просветах кружились в бесконечном вихре снежинки. А в моей сетке-авоське покоились три бутылки «Советского шампанского» брют. Я шел и размышлял, что возможно ли было бы такое, если бы не эта очередь, не обмен стеклотары, не этот сумасшедший день, проведен-

ный в гастрономе. Возможен ли был бы этот почти фантастический обман на грани фола? Вряд ли. И вымышленная секретарша, и выдуманное начальство райисполкома, весь этот плод моего воображения был бы невозможен без всего того, что окружало и вошло в меня, когда я находился в этой самой очереди, был ее неотъемлемой частью, и не моя вина, что импортная стеклотара не подходит по своей горловине для разлива на линии завода шампанских вин.

И теперь я знаю, что миловидная девушка из очереди, и командировочный, и тетя Амина, и многие, многие другие горожане и жители, пройдя ничем не объяснимую и ничем не заменимую очередь, встретят самый прекрасный праздник Земли с фужером шампанского.

И в брызгах шампанского, и в пенящихся пузырьках этого божественного напитка исчезнут, как вчерашний сон, все эти предновогодние мытарства, все эти очереди нашей с вами прошлой жизни, оставляя в памяти и в наших душах светлую печаль воспоминаний.

ЗОВ ДНЯ УШЕДШЕГО И ДНЯ ГРЯДУЩЕГО

Это правда, мальчик?

Рефрен из рассказа Нодара Думбадзе «Кровь»

В виртуальную эпоху, вооружившись технологией и системой «Google – Планета», блуждаю по мирам реальным и ирреальным. По прошлому и будущему, то есть по настоящему, что постоянно перетекает в эти понятия нашего литературного ремесла.

Память – неистребимая плазма, вбирающая в себя четвертое измерение нашего мира и нашего сознания, заполняет и зачастую переполняет безбрежное пространство нашей души.

«Душа человека во сто крат тяжелее его тела... Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее. И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обессмертить душу друг другу: вы – мою, я – другого, другой – третьего, и так далее до бесконечности. Дабы смерть человека не обрекала нас на одиночество в жизни».

Эти святые слова Нодара Думбадзе были на слуху в семидесятые-восьмидесятые годы прошлого столетия.

Давайте помнить об этом и в наше время, в начале нового века и нового тысячелетия, в транзитный период нашего бытия.

Блуждаю по просторам компьютерной души, иногда окунаясь в небесную синеву монитора.

Детская память – цепкая вещь.

Это правда, мальчик.

Помнишь фильм из середины прошлого века? – «Мамлюк».

Я помню.

Не помню режиссера, а в детстве помнят саму картину, но не того, кто эту картину создал.

Это потом, с годами познаешь, что «Я, бабушка, Илико и Илларион» сотворена по роману Нодара Думбадзе Тенгизом Абуладзе, а затем была создана и великая кинотрилогия – «Хевсурская баллада», «Древо желаний», «Покаяние». Все это не раз повелевало сердцу читать и перечитывать романы и рассказы писателя – «Я вижу солнце», «Солнечная ночь», «Закон вечности», «Не тревожься, мама!», «Белые флаги», «Кукарача», «Дидро», «Кровь», «Мать», «Неблагодарный», «Коррида», «Солнце».

Но это было потом. А вначале был «Мамлюк». О судьбах двух друзей, а может быть, братьев, ибо друзья из одного горного селения всегда становятся братьями, разлученных в раннем детстве вихрем истории.

И ставших врагами.

И принявших смерть друг от друга.

Я это помню.

И вечный зов родины мамлюка.

Из летописи и литературы знаю, что кипчакский хан Артык являлся отцом Турандохты – жены Давида IV.

И неистребимый зов крови, побеждающий сквозь века манкурта нашего времени.

И горчащий запах емшана-полыни, манящий туда, на восточное побережье Каспия, откуда был родом предводитель мамлюков кипчак Бейбарс, объединивший осиротелых сынов Земли и на берегах Нила, в Мысыре-Египте, и в лазурном Крыму, и в небесных горах Кавказа.

Но и он, и его воины-побратимы были бессильны перед памятью их манящей Родины-матери.

Это правда, мальчик.

Вспоминаю «Плаху» Чингиза Айтматова, погодка и ровесника Нодара Думбадзе и его собрата по «Закону вечности». Вспоминаю страницы, посвященные грузинскому многоголосию, где песни пелись одна за другой и пилось вино, которое чем больше пьешь, тем охотнее оно пьется и тем сильнее горит душа, жаждающая снова и снова вина и песни.

"Они стояли в кругу, иногда возложив руки на плечи друг другу, иногда уронив их плетьюми, а когда хотели, чтобы их услышала божественная сила, неведомая и неотвратимая, но всевидящая и всезнающая, воздевали руки к небу.

Как же так, если Бог все видит и все знает, куда он гонит их с земли своей? И почему так устроено, что люди воюют и борются между собой, что льется кровь, льются слезы, и каждый считает себя правым, а другого – неправым, и где же истина, и кто ее вправе изречь?

Где тот пророк, который бы их рассудил по справедливости?.. Не об этом ли, не об этих ли, вылившихся в напеве страданиях, пережитых давным-давно, осмысленных отцами как изначальный опыт добра и зла, прочувствованных в их красоте и вечности, пелось в тех старинных песнях, сохраняемых в памяти народа?

И потому в устах тех семерых от одной песни рождалась другая, и они не размыкали круга..."

Это правда, мальчик.

И не было в ту ночь людей родней и ближе меж собой, чем эти семеро грузин, поющих горестно и вдохновенно в час разлуки. Стихия песен сближала их еще тесней. Как много все же сумели предки пережить и придумать впрок для потомков

задушевных слов, полных бессмертной гармонии. Как по полету можно отличить птицу, так по песне грузин грузина отличит за десять верст и скажет, кто он, откуда он, что с ним, что на душе у него – на свадьбе развеселой был или горе его томит...

Это правда, мальчик.

Старики везде разные, и в горном селении, и на берегу моря, и в долине, и в городе, и в дальнем ауле. Однако их всех объединяет нечто большее, чем просто приобретенный опыт бытия.

Это нечто большее – мудрость, суровая и лукавая, степенная и внешне безразличная ко всему окружающему, погруженная в невидимые уголки памяти, изредка извлекая оттуда, из колодца времен, ночные страницы воспоминаний.

Они терпеливо существуют в городских квартирах взрослых своих детей – дочери или сына, которые по долгу родства, но не по зову сердца выделяют им метраж отдаленной комнаты. И только тогда оживает в их глазах блеск былой жизни, когда забегает в канун долгой ночи внук.

И молча слушает деда.

И затем оба молчат.

И детский безмятежный сон сливается с чутким сном-дыханием деда.

И время неумолимо.

И приходит тот самый час, когда, словно бы встрепенувшись, словно бы по зову далеких и ушедших предков, старик покидает квартиру сына или дочери, поцеловав спящего внука, садится на ночной поезд, а затем на попутную машину или даже арбу, идет и идет туда, в горы, в свое родное горное селение по зову дня ушедшего, оставаясь «неблагодарным» в памяти взрослых детей.

Это правда, мальчик.

Вглядываюсь в иллюминатор монитора, приближая к глазам ту или иную местность.

От востока к западу.

От севера к югу.

А если уйти на юго-восток, туда, где возвышается Джомолунгма, то у подножья великой вершины можно найти горное селение – Тенгри.

Где-то в этих местах зародилась древнейшая религия – **тенгрианство**, предтеча основных религий мира, где поклонялись земной богине Умай, божественному Светилу – Солнцу и небесному богу – Тенгри. Есть одна древнейшая молитва, когда-то сотворенная, может, на санскрите, а возможно, и на другом древнем языке, ибо я ее не раз слышал за время прошлых странствий на разных языках, но единую по сути:

– Боже, даруй мне просветленность, чтобы принять то, что я не могу изменить, мужество, чтобы изменить то, что я могу, и мудрость, чтобы увидеть разницу; дай мне жить сегодняшним днем, радуясь каждой минуте, принимая трудности лишь как тропинку к миру; дай мне принимать этот мир таким, какой он есть, а не таким, каким бы я хотел его видеть; дай мне верить, что ты все устроишь так, как надо, если я повинуюсь твоей воле, дабы я мог быть по-настоящему счастлив в этой жизни и в высшей степени счастлив в будущей. Аминь.

Телави, Марнеули, Ахалкалаки проступают сквозь рваные облака утреннего тумана на склонах гор и раскинувшихся долин, где-то там, за ущельем.

Тбилиси, Батуми, Рустави, Кобулет, Поты, Багдади, Мартвили, Шуахеви...

А вот и тропа, ведущая в Гурию, где не раз делили тебя, мальчик, почтенный Кшиварди Ломджария и не менее почтенная бабушка Юлия, ибо ты и для той стороны по линии матери, и для этой по линии отца един, и имя тебе – внук.

И все же...

Кшиварди Ломджария глядел на огонь и думал. Думал и в то же время старался уйти, скрыться от своих невеселых дум. Но куда человеку деться от собственных дум? Ведь человек не бог... «Не нужно было отпускать мальчика... Но не смог я устоять перед горем старушки... А теперь сам в ее положении. На той неделе схожу к ней, попрошу вернуть мальчика. Не отдаст, заберу силой... «Какое, – скажу, – имеешь ты право отнимать у меня мою плоть и мою кровь? Ведь ты не бог!» Но... ведь она может ответить мне теми же словами?! Ведь я сам тоже не бог, а всего-навсего простой смертный... Ведь мальчик принадлежит ей так же, как и мне. Вот если бы я был богом! Ох, трудно, трудно быть человеком, гораздо труднее, чем богом.

Слава богу, в этом сам убедился наш спаситель – Иисус Христос...»

А когда мальчик сам вернулся к деду, тот спросил у мальчика:

– А знаешь, что привело тебя ко мне?

– Нет!

– Так я скажу тебе: кровь тебя привела ко мне, вот что. Кровь – великая сила, внучек!..

А если вновь вернуться к «Покаянию» Тенгиза Абуладзе, то, на мой взгляд, и этот фильм, и роман «Закон вечности» двух великих мастеров грузинской культуры, двух великих сынов человечества – это нетленные вещи одного порядка.

Я не собираюсь пересказывать сюжет фильма, трактовать линию режиссера Т. Абуладзе, так как в силу неоднородности этого явления невозможно это сделать, да и ни к чему. Как можно пересказать «Мастера и Маргариту»

М. Булгакова? Как можно пересказать «Осень патриарха» Г. Маркеса? Как можно пересказать «Зеркало» или «Солярис» А. Тарковского? Как можно пересказать последние романы Ч. Айтматова? И все-таки этот фильм в силу своей первородности отличается от перечисленных шедевров литературы и кино. У каждого из нас, кто посмотрит данный фильм, у каждого, кто вольется в это пространство исповеди, будет и свое суждение о нем, и своя трактовка образов, и свои выводы, и свое... покаяние.

Кинофильм обладает не только синтезом различных видов искусств, но и в силу своей специфики раскрывает в одном творческом ключе реальность и вымысел, явь и сон, где помыслы и действия персонажей разрушают, казалось бы, установившиеся каноны восприятия. Авторы фильма берут за основу такие общечеловеческие категории, как сознание и бытие, и, усиливая эти категории кинометафорой, гротеском, сарказмом, символом и аллегорией, выстраивают их в единый видеоряд, обнажая тем самым в образе Варлама и категорию зла.

От имени жертв Варлама Аравидзе героиня Кетеван обращается к нам, зрителям:

– От своего имени и от имени всех несправедливо наказанных я требую, чтобы Варлама Аравидзе его же близкие собственными руками вырыли из могилы... Предать его земле – это значит простить его, закрыть глаза на все, что он совершил.

Волею неумирающей памяти Кетеван выносит приговор не только Варламу, но и себе, сознательно вынуждая себя выкапывать тело Варлама из могилы. По-

тому пронзают своей горькой правдой слова Кетеван, обращенные к Торнике, сыну Авеля, внуку Варлама: «Вот и я своими действиями сотворила из тебя убийцу». И эта ее горечь, ее протест, отчаяние и неоднозначная непримиримость каким-то кинематографическим «биополем» окружает нас, зрителей, заполняет все уголки души потоком сознания, просвечивает рентгеном совести. Пока мы терпим варламов, они паразитируют в нашем обществе, пока мы предаем забвению их кровавые дела, есть опасность возрождения их преступлений. Покаяние невзирая на посты и чины, покаяние без душка лицемерия, ибо может исчезнуть сама суть этого явления, и к великому слову «правда» присосется нас угнетающая приставка «не», порождая в здоровом человеческом организме ржавчину лжи.

Вспомните кадры, когда некто, облаченный в наряд жениха, избирает себе в невесты самую бесстрастную Фемиду с завязанными глазами. Это уже зло. Кем оно порождено? На этот вопрос отвечает фильм «Покаяние». Вспомните кадры, когда средневековые стражники входят в дом очередной жертвы со словами «Мир вашему дому!». Кем порождена эта страшная суть лицемерия? И на это отвечает фильм «Покаяние».

Не только отцы несут ответственность перед детьми, но и дети ответственны за своих родителей.

А если отец попал в петлю репрессий по вине Варлама и ему подобных, а если мать после долголетней ссылки не узнала сына и только по родимому пятну на его животе поняла, что это он, плоть отца и ее кровинушка?

Это правда, мальчик?

Правда.

И размыкается круг многоголосия.

И по возгласу «Вай, нана!» Хвича-Махмуд признает в умирающем французе друга-побратима по горному селению фильма «Мамлюк».

Не только деды наши хотят найти свое достоинство во внуке, недодав это достоинство сыновьям, но и внуки посредством невидимой и бессмертной лозы порою принимают груз вины предков.

Вынуждены принимать.

Или отрекаются, тем самым теряется связь поколений, обрывается ток крови, перерубается лоза нашей жизни.

А значит, не будет ни песен, ни вина.

А система «Google – Планета» уносила мой взор к берегу моря, куда вот-вот погрузится Светило. И я, быть может, увижу зеленый луч, засиявший на диске заходящего в море солнца. Как когда-то увидел этот луч твой друг Гулды Каладзе.

Это правда, мальчик.

А если двигать мудрой мышкой, то можно уйти и в сторону древнего Иерусалима, где покоится прах автора «Витязя в тигровой шкуре».

«Как Гомер есть Эллада, Данте – Италия, Шекспир – Англия, Кальдерон и Сервантес – Испания, Руставели – есть Грузия... Народ, если он великий, создаст песню и выносит в лоне своем мирового поэта. Таким венценосцем в веках, еще доселе не признанный русскими, был избранник Грузии, Шота Руставели, давший в XII веке своей родине знамя и зов – «Вепхисткаосани» – «Носящий барсову шкуру».

Это лучшая поэма о любви, какая когда-либо была создана в Европе, радуга любви, огневой мост, связующий небо и землю», – писал поэт и переводчик этой поэмы Константин Бальмонт...

Это евразийская поэма, ибо вбирает в ткань своего сюжета образы Востока и Запада, и географическое положение Грузии являет собой точку этого отсчета.

А если уйти виртуально на север, то где-то там, недалеко от Телави, есть горное селение Омало. Говорят, что означает «не забудь меня».

Помню и никогда не забуду.

И по мизансценам культового фильма «Мимино», и по одинокому туру, что разгоряченными ноздрями вдыхает хрустальный воз-дух гор.

И пьешь этот воз-дух, словно бы небесную воду из родника или кувшина, чтобы дальше и выше идти по тропе дня грядущего.

Это правда, мальчик.

В наше очень плотное время только эта система «Google – Планета» и спасает, ибо оттуда, с компьютерных небес, мы видим и могилы наших предков.

И все же, как близко к глазам ты ни подводишь экран монитора, только сердцем, и только им тебе дано свыше реально, хотя бы раз в год, хотя бы раз в этой земной жизни, хотя бы раз перед своим уходом прийти и поклониться своим предкам.

Это правда, мальчик.

Об этом и песня русского поэта и писателя, сына грузина и армянки, песня батона Булата:

«А иначе зачем на земле этой вечной живу».

А иначе зачем нам день грядущий, во имя которого мы, поэты разных стран, собирались здесь, на родине великого гуманиста Нодара Владимировича Думбадзе?

Несмотря на новые и свежие границы отчуждения, о которых и ведать не ведали наши деды и прадеды.

А может быть, плач поднебесья
И лунный сквозь сумрак аккорд.
Я вижу – из южного детства
Свисающий с неба апорт.

А там, за ночным перевалом,
Встает восприятием сна
Рождественской свечки огарок
И ель, что живет у окна.

А там, где-то там за грядою,
За горной грядою судьбы
Свет горний встает над тропею
Под скрип одинокой арбы.

А там, где-то там на закате,
Начало второго пути.
Мой мир ошибается в дате,
Все день тот пытаюсь найти.

